

Даниил ГРАНИН

НЕ НЕКОМФОРТНО жить в государстве, лишенном сколько-нибудь значимой общественно-политической идеи. Мы привыкли, что общегосударственная идея должна существовать, и не привыкли существовать без нее. Интересно, что это — дурная привычка или жажда необходимого? Есть масса вполне процветающих стран, обходящихся без декларируемой идеологии. Она заменяется комплексом частных, частных ценностей — работа, семья, благотворительность, проблемы своего круга.

Нынешняя ситуация (не бездумья, а постоянного обдумывания давно обдуманного) сказа-

Общая раб. - 1995 -
9 июля - с. 6

Интеллигент оппозиционен не по собственному желанию

лась, естественно, и на предстоящих выборах. Много партий, но нет ни одной программы. Некого полюбить. В городе популярен анекдот: рядовой избиратель с чувством смотрит на восемнадцать красочных портретов кандидатствующих и удовлетворенно говорит: «Какое счастье, что из них всего только один будет в Думе!»

Корр.: А какова была бы ваша предвыборная программа?

Д.Г.: Что ж, как писатель я обязан уметь перевоплощаться... Никакой оригинальной идеи она бы в себе не несла. Мой герой, который выбрал бы политическую деятельность, пожалуй, предоставил бы всем социальным слоям, народу как можно большую самостоятельность. Я исхожу из соображения, что народ всегда умнее правительства, а правительство всегда глупее народа. Вообще считаю, что оригинальные идеи не должны рождаться в голове героя, будь он литературным или действительным — идеи должны рождаться усилиями всего общества, появляться из недр общества. Все искусственное недовольно, требует аппарата для поддержания искусственной конструкции в порядке. Жизнеспособные формации растут не в пять и не в десять лет. На памяти истории из недр общества выходили самые жизнестойкие формационные идеи — удобства централизации, удобства и полезности частного предпринимательства, приоритета личной свободы. Для нас сейчас главное быть наблюдателями, замечать, какие процессы происходят в обществе. Причем не только негативные — я вижу и хорошее. Много людей находят свое место в жизни, становятся деятельными людьми. Неприязнь к власти не должна лишать наблюдателя способности видеть. Общественные процессы, тектонические

ИНТЕРВЬЮ НА ПРАВАХ РЕПЛИКИ

движения общества больше власти, шире власти. Беда интеллигенции в том, что она чаще и разумнее думает о том, что происходит «наверху», нежели о том, что происходит «внизу». Власть же питается искаженной информацией. С этой точки зрения я считаю, что президент совершенно недостаточное внимание обращает на Общественный совет, членом которого и я являюсь. Мы могли бы в большем объеме, нежели сейчас, питать президента непридворной, реальной информацией.

Корр.: Но ведь власть всегда востребует только тот социальный слой, который имеет нечто реальное. Если социальное сообщество имеет деньги, власть берет у него деньги. Если имеет автоматы и бронетранспортеры, власть пользуется той силовой поддержкой, какую способен обеспечить ей этот социальный слой. А что сейчас способна получить власть от интеллигенции (какая и составляет Общественный совет), когда у нее нет ни новой, оригинальной идеи, ни, как вы считаете, понимания процессов, тайно и явно происходящих в обществе? О какой независимой информации может идти речь?

Д.Г.: Информация может строиться и на уровне умонастроений. Тем более что в Общественный совет входят далеко не только «профессиональные интеллигенты». Но интеллигенция, действительно, власти сейчас не нужна. Потому как интеллигенции как таковой нет. Она не может существовать, если она находится в оппозиции к власти. Постоянно и находится. Но еще несколько лет назад интеллигенция, так сказать, была вместе с Горбачевым оппозиционна людям власти, а сейчас Ельцин с людьми власти оппозиционен интеллигенции. То есть интеллигенция находится в оппозиции невольно. Не по

собственному желанию. Ее просто не взяли во власть. К тому же интеллигенция помимо функции духовной оппозиции должна выполнять еще и функцию своего собственного дела, своей работы. А это-то у нее и не получается — нет денег, нет возможностей. А что такое безработный недовольный? Это, извините, не интеллигент, это уже что-то другое...

Отступление первое

Тут Даниил Гранин, как мне кажется, подошел к самой объясняющей нынешнее безыдейное положение идеи. Интеллигенция стала столь не интересна власти социальным слоем потому, что ей, как крестьянам, как шахтерам, оппозиционные настроения необходимы просто для корпоративного выживания. Она потеряла право и ощущение ВЫБОРА, который был ей присущ еще со времен, извиняюсь, восстания декабристов. Когда ситуация была такова: мне физически, материально хорошо, но духовно нехорошо, потому что я страдаю за народ. Самое забавное, что и в начале нынешней революции эту роль интеллигенции взяли на себя просвещенные партии. Теперь эту благородную роль могут взять на себя просвещенные богатые люди. Которые потом и будут называться интеллигенцией. Это такая историческая шутка. Первый раз в собственной истории то социальное сообщество, которое мы называем интеллигенцией, стало не страдающим классом, а страдающим. И впервые в переломный момент, после революции, историю пишут не победители, а побежденные.

Корр.: А если бы вы писали острополитизированный роман — кем бы был ваш главный герой? Как бы складывалась его судьба?

Д.Г.: Это был бы ученый. Он бы любил свою

работу, себя в этой работе, но не имел бы возможности ею заниматься. Может быть, отправился бы за границу. Но это решение не было бы для него простым. Второй герой стал бы удачливым коммерсантом. Он походил бы на моего друга — талантливого кибернетика, который сейчас стал крупным дельцом. Ни один из этих героев не был бы Героем. Первый потому, что принцип свободы (по моему мнению) еще и в том, что человек должен сам себя кормить. Не ждать милостей от стихии власти. Второй оттого, что мне надо было бы за ним еще какое-то время понаблюдать — какое он получает удовлетворение от своей работы? Русская литература не знает сочувственного отношения к человеку дела. Ни к Лопухину, ни к Штольцу. Между тем новое время можно познать только через модель успеха. У нас же времена познаются через модель неуспеха — но трепетного, компенсируемого особой духовностью. Только люди успеха переделяют жизнь, все остальные переделяют прошлую жизнь, делая ее иллюзорно прекрасной.

Главный вопрос сегодняшнего времени — будет ли страна адаптироваться к общемировым ценностям и, соответственно, нивелироваться, или будет искать свой собственный путь, интересен не сам по себе.

Это вопрос отсутствующей ныне социальной утопии. Недавно я приехал из Норвегии — это государство удивило меня тем, что социальная идея имеет там постоянное и интересное развитие. Действительно интересное — нам еще не ведомое. Мы до сих пор разрешаем вопросы борьбы цивилизации бедных и богатых, они — взаимодействие цивилизаций мужчин и женщин. У нас все главные проблемы — проблемы

интеллигенции, а между тем от общественной жизни отлучена половина гражданского общества. В норвежском парламенте 49 % депутатов — женщины. Половина кабинета министров — женщины, мэр крупнейшего города — женщина. Этическая атмосфера страны совершенно другая... В государстве началась выгоднейшая разработка нефтяных шельфов — и парламент принимает закон, по которому процент прибыли должен откладываться в фонд будущих поколений. Для детей, внуков — потому что эта нефть принадлежит не одному поколению. Даже такая мелочь, что детям в школы разрешается принести на завтрак бутерброды только на хлебе грубого помола...

Отступление второе

Идея отсутствия социальной утопии, обдумываемая Гранниным, чрезвычайно занятна. Действительно, последние годы «Запад» был для нас живой социальной утопией, это был кампанеллиевский город Солнца, возле которого существовало «варварское» племя, жадно глядящее на подвесные сады. Когда выяснилось, что в городе Солнца, нас, мягко говоря, не ждут, единственная оставшаяся социальная утопия стала предметом не любви. Отторжения. «Варвары полюбили Рим только тогда, когда его разрушили... Разрушить можно и нематериально, как мечту. Что остается племени, как не очередной раз заниматься собственным строительством? Но оно затягивается, подрядчики воруют лес и камень, вождь племени больше любит подрядчиков, чем строителей... Мобильное кочевое войско застолье...

— Мы судачим о величии страны, — говорит Гранин, — но величие страны в проценте счастливых граждан. А концепция безопасности все-таки не в сильной армии, а в том, чтобы безопасно было жить внутри государства...

Записала
Евгения ПИЩИКОВА